

Яблоков Михаил Сергеевич,
к.и.н., ТГИК

Семешко Наталья Анатольевна,
Профессор, ТГИК

Федотов Александр Сергеевич,
старший преподаватель, ТГИК

О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ И НАСЛЕДИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО

Аннотация. В работе рассмотрены разные подходы в оценке личности Л. Н. Толстого и предложена модель создания некоей энциклопедии писателя, построенной на принципе интегрального анализа имеющихся в настоящее время источников.

Ключевые слова: Писатель, философ, музыковед и раскольник в одном лице. Мыслители прошлого о феномене Толстого. Вклад региональных учёных в «Толстововедение».

Лев Николаевич Толстой – это один из немногих писателей дореволюционной эпохи, чьи сочинения практически не подвергались цензурной проверке за всё время существования коммунистического режима в нашей стране. Есть мнение о том, что этому во многом способствовала высокая оценка писателя В. И. Лениным, назвавшего Л. Н. Толстого «зеркалом русской революции». Ему «прощалось» осуждение революционной деятельности социалистов и большевиков, несогласие по вопросу смены государственного строя, консервативно-патриотическое мировоззрение и тому подобные вещи. В глазах пришедших к власти в 1917 году коммунистов писатель выглядел, помимо прочего, как обличитель, а в ряде случаев, ненавистник господствующей в России православной церкви, – достаточно ознакомиться с работой «Царство Божие внутри нас», где предлагается ни много ни мало, как «упразднить» многотысячную армию церковнослужителей, (около полумиллиона), как вредный и паразитарный класс.

Первой крупной публикацией, в которой излагаются мысли, отличные от долго господствующих взглядов характеристик личности и творчества Л. Н. Толстого, стала вышедшая в 1995 году 320-страничная книга православного исследователя А. Н. Стрижнёва «Духовная трагедия Льва Толстого». (Издательство «Отчий дом») В издании собраны статьи известных русских мыслителей, а также иерархов православной церкви, где подробно рассматривается «поэтапный» отход писателя от господствующей в России христианской церкви, а также попытка основать некую новую религиозную конструкцию, способную адекватно заменить традиционные институты религии, существовавшие прежде. Необходимо отметить, что данные исследования носят преимущественно обличительный характер, контрастирующий с, к примеру, весьма уважительной оценкой Императором Николаем Вторым той части наследия русского писателя, где он «воздерживается» от церковной тематики; (речь прежде всего идёт о выдающемся и не имеющем аналогов в мировой литературе романе-эпопее «Война и мир»).

В числе фактов из жизни Льва Николаевича Толстого, где присутствует мистический элемент, любопытно отметить версию его происхождения от некоего предка-тамплиера, чудом спасшегося от казни во Франции в начале XIV века, и нашедшего себе пристанище на территории Русского государства. Эту информацию в 2000-х г. г. озвучил на одном из своих публичных выступлений известный отечественный исследователь-конспиролог Юрий Воробьевский.

В 68 томе Православной Энциклопедии за 2023 год помещён 30-страничный очерк о выдающемся русском писателе, и, во многом подобно вышеуказанному сборнику А. Н.

Стрижнёва, составленный в «тональности» резкой критики, где акцентируются те качества личности, которые, по мнению авторов, и сформировали человека, отлучённого в 1902 году от господствовавшей в России христианской церкви. Это прежде всего: гордыня, вспыльчивость, неумение вести диалог с собеседниками на равных и т. п. Указывается также, тем не менее, и об огромной популярности Льва Николаевича Толстого в России, что послужило появлению расхожей поговорки: «В нашей стране два правителя – Николай Второй и Лев Толстой» [1] В читательской среде длительное время бытовало мнение о якобы имевшей место церковной анафеме, провозглашённой по приказу Синода Православной церкви. Однако, авторы энциклопедического очерка ставят под сомнение этот факт, опровергая домыслы публициста А. И. Куприна, опубликовавшего в своё время рассказ «Анафема». (там же) Необходимо отметить, что меры, принятые царским правительством по отношению «деяний» порвавшего с церковью писателя, (и в этом мы полностью согласны с авторами вышеуказанного исследования), – отличаются крайней мягкостью и деликатностью. Для сравнения можно привести пример с историей так называемых «Сатанинских стихов» Салмана Рушди, (1947 г. р.) британского писателя индийского происхождения, которому в 1989 году аятоллой Хомейни был объявлен смертный приговор за кощунственную интерпретацию некоторых положений ислама. (За жизнь мусульманского еретика объявлена «премия» в 3,3 миллиона долларов США (Википедия). А в 1998 году был убит переводчик этой книги на японский язык.

Что касается региональных публикаций, укажем, что тюменские учёные Г. П. Худякова (1956-2013) и С. П. Суровягин (1937 г. р.) в 1997 году опубликовали тиражом около 1000 экземпляров 200-страничную монографию «Самобытность русской философии: проблема мировоззренческого поступка», эпиграфом к которой стали слова из Нового Завета: «Блаженны алчущие и жаждущие правды», (Евангелие От Матфея. 5, 6), как показывает содержание раздела книги, посвящённой Л. Н. Толстому, именно на этой мировоззренческой позиции-установке и проводилась «экспертиза» феномена русского писателя. Достаточно указать на заглавия подстатей монографии – «Религиозно-праведный поступок Л. Н. Толстого» и «Социально-справедливый поступок Л. Н. Толстого», (стр. 151, 166).

Авторы указанного исследования, тем не менее, отмечают духовную расколотость русского писателя, применяя к нему термин «ложнохристианский праведник», раскрывая в нём принадлежность к маргинальной части русского народа с её стремлением к религиозному абсолюту, но без всякой связи с Богом [2] Такие люди действительно существуют в реальной жизни, им присуще с одной стороны стремление к кротости, безгрешной святости, а с другой – к социальной активности ради справедливости самой по себе, (уже не думая при этом о Боге). В практике жизни такие люди религиозно холодны, самолюбивы, с чувством недовольства к себе из-за этого. (там же) По мнению философа В. В. Зеньковского, Лев Николаевич Толстой выразил стихийное мировоззрение людей духовно нецельных, но алчно жаждущих абсолютной правды, что является типичным для XIX века. (там же) Ф. М. Достоевский в своих многочисленных произведениях создавал образы этих «раздваивающихся» героев. На наш взгляд, наиболее удачно Фёдором Михайловичем обрисован этот тип людей ставшими хрестоматийными словами: «Такой человек требователен к окружающим людям более, чем к себе, напоминая нам евангельские слова о бревне в своём глазу и о сучке в чужом!»

Тюменские исследователи полемизируют с известным эмигрантским публицистом, автором «Народной монархии», (бестселлера, переведённого на 16 иностранных языков), обличая его в односторонности и предвзятости при оценке наследия Л. Н. Толстого [3].

Как известно, одной из «фишек» Ивана Лукьяновича Солоневича была идея о сугубом вреде русской литературы как таковой, которая отражала на своих страницах, большей частью, негативные и не столь характерные для русского народа черты его жизни, а одним из «флагманов» этого движения был, наряду с Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстой [4] Также «досталось» и известному литературоведу Н. К. Михайловскому, который в своих критических статьях не смог разглядеть в творчестве и жизни писателя искреннего поиска Правды, что выгодно отличает его от индифферентных к «общему благу» православных славянофилов [5] Тюменские исследователи убеждены в том, что русский писатель передал в

своих произведениях высокое правдолюбие, чуткую совесть русского человека, тягу к социальной справедливости, (пусть в пассивной форме), тягу к праведности, хотя и не в свято-религиозной форме [6] Не соглашаясь с самим Ф. М. Достоевским (sic!), считавшим, что писатель отъединился от «общего дела», авторы монографии доказывают, что Лев Николаевич Толстой отъединился лишь от «общего дела» Н. Фёдорова, отказался от «общего дела» революционеров, не достиг «общего дела» духовного возрождения по И. Ильину, но своим личным мировоззренческим поступком предложил России иное «общее дело», – не менее утопичное, чем у Н. Фёдорова, более гуманное, чем у революционеров, быть может, такое же проблематичное, как у И. Ильина, но дело, основанное на глубоком чувстве правды и совестливого сердца! [7].

Да, на сегодняшний день о личности выдающегося русского писателя известно, пожалуй, не меньше, чем при его жизни и, тем более, в советский период нашей истории. Здесь и знаменитая «полуикона» «Лев Толстой в аду», красочная панорама И. Глазунова «Сто веков», где на писателя «накинуты» знаки принадлежности к тайным антихристианским сообществам; вышло в свет и 6-томное исследование М. Дунаева «Русские писатели и Православие» и т. д. Однако, никому не известно душевное состояние Льва Николаевича Толстого в последние часы его земного существования. Ряд фактов о посещении им Оптиной Пустыни, попытки общения с православными иерархами говорят о намерении воссоединиться с церковью, что в корне меняет однозначное суждение об этой личности, и мы всецело разделяем эти положения, озвученные в монографии тюменских учёных.

Вместе с тем, нельзя не согласиться и с православными исследователями творчества Л. Н. Толстого, который, (с большой долей вероятности), хотя и пришёл к таинству христианского покаяния, однако, огромный корпус выпущенной под его фамилией печатной продукции, (в которой не отражены его мысли и желания о восстановлении единства с господствующей церковью), – продолжают свою разрушительную работу. В известной басне И. С. Крылова «Сочинитель и разбойник» сообщается о том, что разбойник, убивший в жизни сколько-то душ, освобождается от адских мучений гораздо раньше нечестивого писателя, чьи творения продолжают отравлять жизнь людей, научая их греху под маской изящного словотворчества. По преданию эта басня была «посвящена» автору известного лозунга «раздавите гадину», (то есть католическую церковь – ред.) – Франсуа Мари Аруа (Вольтеру), известному также своим советом творческим людям – «все жанры хороши, кроме скучного» [8] Да, есть сведения о возможном покаянном движении Вольтера накануне своей кончины, однако...

Что касается «общегуманитарного» наследия русского писателя, то в последние десятилетия некоторые фрагменты его рассуждений приобретают особую актуальность. Дело в том, что после снятия цензурного запрета в постперестроечный период времени, появилась возможность высказаться как устно, так и в печати лицам, не разделяющим общепринятых идеологических установок. Так, к примеру, музыковед и профессор Московской консерватории Вячеслав Вячеславович Медушевский получил возможность «озвучивать» свои соображения по тем или иным вопросам духовной оценки музыкальных произведений, избегая шаблонов типа «интересно» и предлагая характеристики, подобные тем, что в своё время «осмелился» предложить Лев Николай Толстой [9] Так, в Яснополянских записках Д. П. Маковецкого указано на следующее категоричное замечание по поводу 9 симфонии Л. Бетховена: «Боюсь, что это не музыка, а то, что погубило музыку, «гадость» [10] Не менее резко звучат слова писателя об искусстве, как о, якобы, нечто важном для людей, но «это не настоящее искусство, а баловство грабителей, паразитов, ничего общего не имеющих с жизнью... Лев Николаевич стал доказывать ничтожество Вагнера: содержание его творчества бедно, ... искусство должно быть доступно всем, а не быть как у этого композитора, запутано» [11] Оценивая творчество Моцарта как наивысшее достижение музыкальной культуры, Л. Н. Толстой считал, что у Бетховена – «уже сумбур» [12] Однако, после исполнения А. Б. Гольденвейзером «Аппассионаты» Бетховена Лев Николаевич заплакал [13] Характерно, что британский исследователь Норманн Лебрехт, автор бестселлера «Кто погубил классическую

музыку», также считал Людвиг Ван Бетховена одним из основателей процесса деградации музыки, солидаруясь в этом с В. Ф. Одоевским, который в своём очерке «Последний квартет Бетховена» также подверг сомнению благотворное влияние такой музыки на человека.

Писатель резко отрицательно относился к наследию Фридриха Ницше, считая его проповедником эгоизма, при этом выражал недоумение, почему художники нового времени полагают: им не нужно быть понятыми грубыми массами, но достаточно вызвать поэтические состояния наилучше воспитанных людей! [14].

Из воспоминаний С. В. Рахманинова: «Играл я Бетховена... Кончил, все вокруг в восторге, но хлопать бояться, смотрят – как Толстой?... К концу вечера старик идёт прямо ко мне: «Вы простите, что я Вам должен сказать – нехорошо то, что Вы играли!» Я ему: «Да это же не я, а Бетховен!» А он: «Ну и что, что Бетховен, всё равно нехорошо!» [15].

Известно, что во время работы над драмой «Живой труп» Лев Николаевич долго выбирал музыкальные произведения из цыганского репертуара [16], после чего его выбор пал на песню «Не вечерняя», и, благодаря этому, впоследствии шедевр русско-цыганского творчества стал своего рода визитной карточкой Малого театра в Москве. В исполнении фольклорной певицы Софьи Тимофеевой и гитарного ансамбля в наши дни «Не вечерняя» продолжает набирать популярность, в том числе, украшая и концертные «подмостки», и академические аудитории.

Могучая фигура русского писателя продолжает интересовать исследователей самых разных направлений. Думается, что итогом всестороннего исследования феномена этой личности-гиганта должен стать коллективный труд, где будут освещены не только грани «духовной трагедии Льва Толстого» и не фрагментарное освещение череды событий его насыщенной жизни, и даже не элементы «зеркала русской революции», а «интегральный» образ Богатыря русской земли, не уединившегося в тишине кабинета беллетриста, а человека, остро чувствовавшего жизнь и страдание народа, понимавшего его, пожалуй, так, как немногие его современники. Да, нельзя преувеличивать ценность порой даже экстравагантных замечаний по адресу признанных в мире искусства величин, однако, нельзя их и игнорировать, поскольку Лев Николаевич Толстой и сам был фигурой мирового масштаба. (*) Вряд ли современные музыковеды включают в программу академического образования изданный в 1977 году мизерным тиражом 320-страничный сборник «Лев Толстой и музыка», откуда мы берём сведения в данной публикации. Конечно, не выдержит экзамена на искусствovedческую «толерантность» и следующий пассаж «музыковед-писателя»: «Современный композитор возьмёт какую-нибудь, иногда и милую, музыкальную мысль и ворочает её без конца и меры, соединяет её с другими темами и когда, наконец, повторит просто, то хочется вздохнуть и сказать: слава Богу!» [17] А между тем, Л. Н. Толстой выразил лишь то, что чувствуют очень и очень многие «непросвещённые» слушатели, которые почему-то предпочитают наслаждаться не только Бетховеном, но и песней «Не вечерняя», которую нечасто услышишь из уст прославленных оперных певцов.

Стараниями тюменских учёных С. П. Суровягина и Г. П. Худяковой предпринята успешная попытка обрисовать личность писателя как человека, искренне переживавшего за простой народ, а не барина, (по И. А. Солоневичу), со всем набором качеств избалованного богатством человека. В секторе критического отношения писателя к институту православной церкви, на наш взгляд, следует изучать не только «крёны» Льва Николаевича Толстого в сторону от государственного курса, но и попытаться найти причины столь непримиримой позиции. Ведь прав был, (наряду с другими), вышеуказанный Иван Лукьянович Солоневич, находивший в священстве грубые несоответствия требованиям церковной дисциплины, порождённые непродуманной политикой Синода, особенно во времена К. П. Победоносцева. С другой стороны, эти писатели вовсе не считали, что простой народ всегда прав, а во всём «виновато начальство». Соглашаясь с рядом авторов по поводу излишней резкости Л. Н. Толстого в политических и социальных вопросах, С. П. Суровягин и Г. П. Худякова вводят понятие «Толстой как увеличительное стекло русской революции», (18), как бы соглашаясь с наличием «вклада» писателя в дело расшатывания устоев государственной и церковной жизни

России [18] В будущей «Энциклопедии Л. Н. Толстого» необходимо найти место и наиболее ценным высказываниям В. И. Ленина, несмотря на то, что его образ в постперестроечное время подвергся существенному пересмотру. Будучи, по большей части, практиком, а не только «кабинетным учёным», вождь мирового пролетариата по возможности избегал лишних слов и выражений. Лев Николаевич Толстой, и в этом парадоксальное сходство с В. И. Лениным, в оценках также был точен и краток, (что нельзя не пожелать многим современным искусствоведам), вольно или невольно следуя евангельскому правилу: «говори или «да» или «нет», а остальное – от лукавого».

(*) – Толстой ставит народную музыку выше художественной, так как она не может служить средством общения. Его отношение к Бетховену выставляют как дикое, тогда как даже Чайковский не принимал Бетховена всего, во всяком случае, последнего периода [19].

Список литературы:

1. Смирнов, Д.В. Толстой Л.Н. Православная энциклопедия. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» Москва 2023, том 68, с. 663
2. Худякова, Г.П. Самобытность русской философии. Проблема мировоззренческого поступка. Издательство Тюменского государственного университета, Тюмень, 1997, с.172
3. Худякова, Г. П. указ. соч., с. 151
4. Солоневич, И. Л. Народная монархия. Москва. Издательская и рекламно-информационная фирма «Феникс» ГАСК СК СССР, 1991, с. 161-163
5. Худякова, Г. П. указ. соч., с. 172
6. Худякова, Г. П. указ. соч., с. 173
7. Худякова, Г. П. указ. соч., с. 175
8. Худякова, Г. П. указ. соч., с. 183
9. Худякова, Г. П. указ. соч., с. 188
10. Лев Толстой и музыка. Хроника. Нотография. Библиография. Составители Э.Г. Палюх и А. В. Прохорова. Всесоюзное издательство «Советский композитор» Москва 1977, с. 209
11. Лев Толстой и музыка, стр. 162, 163
12. Лев Толстой и музыка, стр. 213
13. Лев Толстой и музыка, стр. 212
14. Лев Толстой и музыка, стр. 165
15. Лев Толстой и музыка, стр. 183
16. Лев Толстой и музыка, стр. 185, 186
17. Лев Толстой и музыка, стр. 184
18. Худякова, Г. П. указ. соч., с. 151-156
19. Лев Толстой и музыка, стр. 226

